

88 лет после расстрела...

БЫЛОЕ

Девяносто три года. Немногие доживают до этого возраста. А вот Михаил Петрович Извеков дожил. В его жизни было столько интересных событий, что о них стоит рассказать.

Думал ли он восемьдесят восемь лет назад, когда его и всю семью вели на расстрел, что доживет до этих лет? Наверное, не до того было...

Родился он в 1911 году в поселке Желтинский. В семье, не считая его, — еще шестеро детей. В школе он был всего один день, да и то только потому, что его привела туда сестра. Впрочем, он и сам туда не хотел.

— Да какая школа, — пожимает плечами Михаил Петрович, — революция началась. Настали трудные времена. Братя пошли служить у красных. За отцом приехали белые. Избили нагайкой, посадили в телегу, привязав из дому вещи, отвезли в лес и расстреляли. Старшему брату Павлу повезло — он был на покое, иначе и его бы ждала участь отца.

Но беда не приходит одна. Вскоре опять приехали. И уже всю семью, от детей до стариков, повезли на смерть. Спасло лишь, что не было могилы, куда можно было их закопать. Казнь отложили. За это время соседи успели сообщить красным о готовящейся расправе. Когда их второй раз повели на расстрел, прискакали красные.

— Так и родился во второй раз, — признается Михаил Петрович.

В восемнадцать лет он отправился служить на границу в кавалерийский полк. Там на смотре завоевал первое место, как лучший кавалерист, владеющий шашкой. Правда, в бою помануть шашкой не успел, зато задержал двух нарушителей границы.

— Как это было? — заинтересовался я.

— Стоял на посту. Смотрю: подвода и два человека. Я спрятались и наблюдаю. Уже хотели перейти границу — тогда я и вышел. Смотрю — в телеге золото. Тут один протягивает мне золотой слиток. Я ему говорю: «нет!» А он еще один положил.

— Не взяли золото?

— Разве можно? Конечно, нет. Потом подъехали два офицера и отправили Михаила Петровича на базу. Так что неизвестно, что стало с этим золотом и нарушителями.

Когда отслужил, дома отдохнул недолго. Вскоре попал на финскую войну в химические войска. Отслужил год.

Потом начался Великий Отечественный. На этот раз на войну он не пошел. Вернее, не взяли. Дело в том, что собираясь на охоту, он случайно отстрелил себе большой палец на ноге. Несмотря на то что сильно хромал, в тылу был очень востребован — единственный шофер в округе. Но неправильно думать, что он только крутил баранку: был заводчиком мастерской, строителем, пожарником, кузнецом. Кстати, в это время он жил уже в деревне Михайловка. Тогда же познакомился со своей будущей женой Надеждой, с которой прожил шестьдесят лет. Дальше было строительство Магнитки, где он был одним из первых, знакомство с Григорием Ивановичем Носовым.

— Расскажите об этом подробнее.

— Нарубили дров в лесу, едем обратно. Навстречу машина. Вдруг из нее выбегает парень и начинает палить по уткам. Одна утка упала, и моя собака принесла ее ко мне. Григорий Иванович подошел. Так мы и познакомились.

У них завязались дружеские отношения. Иногда вместе ходили охотиться на волков.

Почти до девятидесяти лет он прожил в Михайловке. Уже после смерти жены один справлялся с большим хозяйством: две коровы, два теленка, больше двадцати овец и огромный огород. Недавно переехал в Магнитогорск, где решил дожить оставшиеся годы.

Иван МАНЬКО.

— Да какая школа, — пожимает плечами Михаил Петрович, — революция началась. Настали трудные времена. Братя пошли служить у красных. За отцом приехали белые. Избили нагайкой, посадили в телегу, привязав из дому вещи, отвезли в лес и расстреляли. Старшему брату Павлу повезло — он был на покое, иначе и его бы ждала участь отца.

Но беда не приходит одна. Вскоре опять приехали. И уже всю семью, от детей до стариков, повезли на смерть. Спасло лишь, что не было могилы, куда можно было их закопать. Казнь отложили. За это время соседи успели сообщить красным о готовящейся расправе. Когда их второй раз повели на расстрел, прискакали красные.

— Так и родился во второй раз, — признается Михаил Петрович.

В восемнадцать лет он отправился служить на границу в кавалерийский полк. Там на смотре завоевал первое место, как лучший кавалерист, владеющий шашкой. Правда, в бою помануть шашкой не успел, зато задержал двух нарушителей границы.

— Как это было? — заинтересовался я.

— Стоял на посту. Смотрю: подвода и два человека. Я спрятались и наблюдаю. Уже хотели перейти границу — тогда я и вышел. Смотрю — в телеге золото. Тут один протягивает мне золотой слиток. Я ему говорю: «нет!» А он еще один положил.

— Не взяли золото?

— Разве можно? Конечно, нет. Потом подъехали два офицера и отправили Михаила Петровича на базу. Так что неизвестно, что стало с этим золотом и нарушителями.

Когда отслужил, дома отдохнул недолго. Вскоре попал на финскую войну в химические войска. Отслужил год.

Потом начался Великий Отечественный. На этот раз на войну он не пошел. Вернее, не взяли. Дело в том, что собираясь на охоту, он случайно отстрелил себе большой палец на ноге. Несмотря на то что сильно хромал, в тылу был очень востребован — единственный шофер в округе. Но неправильно думать, что он только крутил баранку: был заводчиком мастерской, строителем, пожарником, кузнецом. Кстати, в это время он жил уже в деревне Михайловка. Тогда же познакомился со своей будущей женой Надеждой, с которой прожил шестьдесят лет. Дальше было строительство Магнитки, где он был одним из первых, знакомство с Григорием Ивановичем Носовым.

— Расскажите об этом подробнее.

— Нарубили дров в лесу, едем обратно. Навстречу машина. Вдруг из нее выбегает парень и начинает палить по уткам. Одна утка упала, и моя собака принесла ее ко мне. Григорий Иванович подошел. Так мы и познакомились.

У них завязались дружеские отношения. Иногда вместе ходили охотиться на волков.

Почти до девятидесяти лет он прожил в Михайловке. Уже после смерти жены один справлялся с большим хозяйством: две коровы, два теленка, больше двадцати овец и огромный огород. Недавно переехал в Магнитогорск, где решил дожить оставшиеся годы.

Иван МАНЬКО.

Из поколения победителей

«Из одного металла лют медаль за бой, медаль за труд...» — эти поэтические строчки давно стали крылатыми

Каждый знает, о ком они написаны, кому посвящены. Это люди легендарного поколения — поколения победителей! На их плечи легли все тяготы военного и послевоенного времени, но они выстояли, выдвинули в лютую годину, подарив человечеству мир, а нам — свободную страну.

Вступление Валентины во взрослую жизнь пришлось на 1941 год

После семи школьных классов пошла она на курсы ФЗО. Сегодня Валентина Ивановна уже и не вспомнит, чем ее, девочку, прельстила профессия слесаря. Может, тем, что таким специалистам в деревне работы всегда было много и, значит, Валя могла помочь матери. А может, тем, что она сильно отличалась от того, чем приходилось заниматься девушке до сих пор. И Валентина с упоением разрезала металл огромными ножницами и так мастерски орудовала напильником, что теплая стружка устилала вокруг нее пол. За те полгода, которые она проучилась в ФЗО, девушка сама изготовила ножницы и замок. Получились они хорошими, и Валентина не без гордости думала, что специалистом она, можно сказать, состоялась, которому практически любое задание по силам...

Вступление Валентины во взрослую жизнь пришлось на 1941 год. Но стал он переломным в судьбе не только деревенской девушки, но и всей страны и мира. О начале войны в Мануиловской уезжали из объявления по радио. Несмотря на то что минуло с той черной поры уже столько лет, Валентина Ивановна помнит, как менялись лица людей, слушающих то страшное известие. И словно потускнело все вокруг: и солнце, и летний день. А еще помнит жуткую тишину, внезапно опустившуюся на деревню: от нее ломило в ушах и замирало сердце... А потом то в одном, то в другом дворе заголосили бабы и потянулись за околицу мужики с рюкзаками и вещмешками... Опустела деревня, посуровели люди.

Заканчивалось лето, приближалась осенняя страда, начинать которую приходилось женщи-

нам и детям. Утром Валентина училась на курсах, днем вместе с другими помогала ворошить и обмолачивать зерно на току. Примерно в это же самое время далеко на Южном Урале на перенос первых пятилеток — легендарный Магнитострой — прибывают железнодорожные составы из Москвы и Ленинграда, Нижнеднепровска и Солнечногорска с эвакуированными специалистами и оборудованием метизных и сеточного заводов...

В феврале 1942 года в Красноборский район приехал представитель из Магнитогорска, приглашавший на завод. Усталый многодневный человек не произносил красивых слов и не обещал легкой жизни. Но он нашел главные слова: «Магнитке нужны рабочие руки, чтобы производить продукцию для фронта. Для Победы!»... Через несколько месяцев судьба архангельская, с северной широтой и удалью. Незаметно для себя девушка замолкает: мысли перекочуют на дом, маму, сестер и брата. Весточки из Мануиловки приходят редко. Да и Валентина писать особо некогда: устает как, что иной раз сил не бывает, даже чтобы пописать. Проваливается в глубокий сон, как в забытие. А когда встанет, кажется, и не спала вовсе. Поэтому в мечтах Валентина представляет, как после войны встретится с родными. Разговоров, воспоминаний нако-

пилось столько, что и целой ночи не хватит все пересказать... Кто-то трясет девушку за плечо. Валя оглядывается — мастер: «Как, Валюша, работаете? Сон, наверно, одолевает? Терпи, дочка, не унывай, а то, не ровен час, покалечиться». Но Валя не унывает, станок давно уже стал для нее личной линией фронта, которую Валя держит с честью. Как и цех, завод, вся Магнитка. Люди трудятся не ради наград и почестей, ради желанной Победы.

Свидетель с родными доведется Валентине лишь в 1946 году. Когда ехала в Мануиловку, то уже знала, что непременно вернется в Магнитку. Стал этот героический город за эти годы родным для нее. Вместе с Валентиной приехала и одна из сестер, которая будет работать в электрощитовом, а через год в коллектив

В. И. Солдатова с мужем, 1 мая 1955 года.

пилось столько, что и целой ночи не хватит все пересказать... Кто-то трясет девушку за плечо. Валя оглядывается — мастер: «Как, Валюша, работаете? Сон, наверно, одолевает? Терпи, дочка, не унывай, а то, не ровен час, покалечиться». Но Валя не унывает, станок давно уже стал для нее личной линией фронта, которую Валя держит с честью. Как и цех, завод, вся Магнитка. Люди трудятся не ради наград и почестей, ради желанной Победы.

Свидетель с родными доведется Валентине лишь в 1946 году. Когда ехала в Мануиловку, то уже знала, что непременно вернется в Магнитку. Стал этот героический город за эти годы родным для нее. Вместе с Валентиной приехала и одна из сестер, которая будет работать в электрощитовом, а через год в коллектив

завода войлется еще одна сестра и брат Валю.

Самая Валентина Ивановна отработала на метизно-металлургическом 39 лет. Он стал первой и последней строчкой ее трудовой биографии. Здесь познакомилась она со своим будущим мужем Григорием Андреевичем Солдатовым, фронтовиком, прошедшим Великую Отечественную от первого до последнего дня.

Труженики тыла... О них говорят: ковали Победу в тылу. На святых и самых точных весах Победы чашу с ратными подвигами уравновесит чаша с подвигом трудовым. Есть в ней немалая толика и магнитогорских метизников. Валентина Ивановна Солдатова среди них.

Светлана ПАНЧЕНКО.

Помнить — это все равно, что понимать, а чем больше понимаешь, тем более видишь хорошего.

Максим ГОРЬКИЙ

Далекое и забытое ПАМЯТЬ

Моя девичья фамилия Савенкова Анна Нестеровна. В 1941-м году я окончила 9 классов и приехала из Татарии к родителям в Магнитку, куда они приехали по веревке еще в 1939 году.

Жили в бараке на 5-м участке: печное отопление, водопровод и туалет на улице. Я хотела поехать учиться в Белоруссию, но война нарушила все планы. Поначалу думали, что она надолго не затянется, но прошли годы...

Пришлось устраиваться на работу: отдел кадров ММК направил в основной механический цех токарем-операционником, через три месяца перевели в ново-механический, где все оборудование было эвакуировано из Днепротровска. Я попала в смену Воскресенского, где меня поставили на станок окончательной операции: от меня зависело выполнение плана всей сменой. Работали по двенадцать часов, а порой и по восемнадцати. Мы считались военными, давали подписку о неразглашении места работы и выпускаемой продукции. Паспорта наши забрали, дисциплина была железной, за опоздание — судили, на работу, с работы и на перерыв — строго по звонку, за невыполнение нормы давали дополнительные талоны на обед. Если выпадало свободное время — в красном уголке просматривали газеты со сводками Совинформбюро.

Воспитанные в духе патриотизма, мы выполняли и перевыполняли план. Работало много эвакуированных — мужественные девчата. После смены шли и на полевые работы в МОС, ЖОС, на Поля Орошения, где занимались посадкой, прополкой и уборкой урожая...

В 1943 году перешли на трехсменку, стало полечче, находили время учиться. Из нашей бригады пять девочек учились на медсестер, через три месяца нам выдали удостоверения, но только двое из нас ушли на фронт, остальные оказались маленького роста. Бригадиром стала Валя Ашеулова, с которой мы проработали до самой Победы. Несмотря на то, что всегда хотелось есть, выезжали на Банное озеро с оркестром, ходили в кино и парк — мы были молоды.

В памятный День Победы наша смена вышла в ночь. Подошли к станкам, но включать их не разрешили: вынесли стол, покрытый красной материей, и ронно в 12 часов с начальником цеха Михаилом Куперманом появилась целая делегация. В рупор объявили: война окончена...

Работать не стали — дали два дня отгула, в цех нужно было явиться в теплой одежде, крепкой обуви, со сменной белья, голкой, нитками: в МОС на полевые работы. После сельхозработ дали отпуск, а 23 ноября в отделе кадров вернули паспорта и распределили по цехам комбината. Меня направили в бухгалтерию ММК, где я проработала 30 лет до ухода на пенсию.

Не дай бог никому пережить такое, что мы пережили в войну!

Вспоминаем часто рассказы отца и мамы, и жаль становится, что не по своей воле и желанию ломаются судьбы людей, меняются местожительство, и остаются лишь воспоминания о родном крае...

Воспоминания Нины Ивановны Тюриной записала

Нина ЗВЕЗДИНА, заместитель председателя комиссии по связям со СММИ городского совета ветеранов.

Анна БУДАЕВА, ветеран труда.

Драматические повороты судьбы

ВОСПОМИНАНИЯ

Маме едва исполнилось 15 лет, когда она осталась без родителей, с младшим братишкой на руках. Умерла ее мать, а отца не стало на два года раньше — пал смертью храбрых в бескрайних степях Кубани. Кто был прав — красные, белые, да детей, оставшихся без родителей и родственников, не имело значения. Нужно было искать пропитание и хоть какую-то работу. Пошла кухаркой к одному из богатых селян. Как-то знакомый колхоз, дед Сева, услышал, что зажиточный сосед предлагал своему родственнику обменять молоденькую кухарку на породистого пса, и посоветовал маме немедленно уехать из станицы. В тот же вечер, наскоро собрав кое-какие пожитки, они покинули свой дом. Но судьба была благосклонна к ним, и в одном из сел они направились к маме. Там жила бездетная семья, которая очень хотела иметь детей, она-то и приняла их.

Маме была очень доброй, уважительной, отзывчивой и не по годам работящей, таким же был и ее брат Яша. Вскоре они полюбились хозяевам. Шли годы, и мама встретила здесь своего судьбу. У Ивана жена умерла, оставив годовалого сынишку. Без материнского ухода, добрых ласковых рук ребенок рос хилым, больным. И, чужу очень приглянулась работячая Груня, и он поспевал к ней. Думала долго, но через год решила и пожениться. Всю свою любовь и нежность она вложила, чтобы выводить Ванечку. Ребенок стал поправляться, начал гово-

рили. У отца был большой дом, свое хозяйство, да и сам был мастер на все руки: работал каменщиком, конюхом, хорошо клал печи, заводил хозяйство. К тому же подросток мамин брат, ему уже было 16 лет, и он стал работать столяром. Жили хорошо, дружно. В селе их уважали. Жить было да радоваться, растить детей, но тут война.

Ушел на фронт мамин брат, следом и муж, оставив ее в положении и с четверью детьми. Ей тогда было 29 лет: везде надо было успеть: и по хозяйству, и с детьми, и дома, и в поле работать до заката солнца. Пошли невыносимые тяжелые дни. Наступила весна 1942 года, родилась дочка, назвали ее Ниной в честь акушерки, которая принимала роды. Некогда было болеть, нужно было работать, растить детей и ждать возвращения мужа с фронта. Письма приходили редко. Через полгода пришла горькая весточка от отца, что лежит он в госпитале Сочи с огнестрельным ранением в грудь и ногу. Не раздумывая, мама взяла на руки маленькую дочь и впервые в жизни отправилась в большой город. Добралась, как бы сейчас сказали, автоостопом, где на подводах, где на попутных машинах.

Встреча была короткой и тяжелой, а расставание еще тяжелее. Отец сообщил, что их скоро перебросят в другое место, так как немцы быстро продвигаются к морю, готовятся взять Краснодар, это в полутора часах от их родной станицы. Просил беречь себя, детей, верить и ждать, что Победа придет обязательно. Ры-

дали оба. На том и расстались. Больше от него писем не было. Немцы пробивались к Черному морю. Прорвали оборону и заняли Краснодар, а рано утром еще были у нас: уверенные, наглые, «сдохнете» станицы. Селян из хороших домов повывогнали, выгнали и нас в коровник. Было страшно, в станице воцарилась военная дисциплина: безоговорочное повиновение и выполнение распоряжений немцев. Все припасы у жителей были изъяты. А еще страшнее были полиция из жителей станицы. Нашу семью чуть не расстреляли: мой старший брат утащил с участка немца автомат и сбегал, а кто-то из полицейских принес немцам. Нашу семью приговорили к расстрелу, пригнали всех односельчан посмотреть на покалеченного при расстреле, пригнали всех односельчан посмотреть на покалеченного при расстреле. Сначала немцы хотели повеселиться, стреляли нам под ноги, а все селяне встали на колени, умоляли, плакали и просили за нас, убеждая немцев, что не мог 12-летний мальчик утащить автомат. Исполнение приговора почему-то на какое-то время отложили, закрыли нас в сарае и в суматохе отступления забыли. Чудом остались живы.

Шел самый переломный этап войны. Наши войска быстро освобождали села и города. Были освобождены Краснодар, Сочи, Крым. Немцы спешно покидали село, и полиция тоже. Наш дом спалили, а сами удрали на другой берег Кубани на плотках. Полиция, что шеплялся за плоты, пристреливали на ходу. Вернулся брат. Все это не могло не отразиться на здоровье: мама заболела тяжелой формой малярии. Она так-

ла на глазах, надежды на выздоровление не было. Каждый вечер приходили селяне подежурить у постели больной, думали «не сегодня, так завтра умрет». Старших детей уже разобрали по семьям в помощники, только меня никто не хотел брать: слишком мала была. Затем пришло известие, что отец пропал без вести, и это совсем добило ее. Все думали, что он убит, только мама не верила в его смерть. Ходили разговоры, что уже кончилась война и скоро наши вернутся с фронта.

Наступил долгожданный День Победы. Как гром среди ясного неба раздался голос Левитана, который известил о полной капитуляции фашистской Германии и победе наших войск. Все жители вышли на улицу: ликования, обнимались, плакали от радости, маму тоже вывели на улицу. И на следующий день ей стало легче, с каждым днем малярия отступала и болезнь ушла совсем. Все дети вернулись домой, мама быстро пошла на поправку и вскоре совсем выздоровела. Осталось только надеяться на чудо и ждать возвращения отца: здоровый или калека — было неважно, лишь бы живой был. Но его не было.

Отцу появился неожиданно в канун нового 1947 года, без предварительных писем и телеграмм. Был вечер, мы уже собирались лечь спать, но ждали маму, которая пошла к соседке по делам. Отец постучал ключом в окно, мы не открывали дверь, тогда он позвал старшего сына Ваню и спросил: неужели он забыл голос отца? И разрыдался. Тут Ваня крикнул: «Батя, я сейчас открою».

Дети бросились к нему, крича и плача, только маленькая Нина, не зная, кто этот незнакомый дяденька, такой большой и с клошкой, испугалась и залезла под кровать. Мама, увидев отца, упала в обморок. Весть быстро разнеслась по селу, все сбегались к нам во двор, в ту ночь никто не спал до утра: все его считали погибшим.

Вот что рассказал отец нам и односельчанам. В 1943 году под Керчь шли ожесточенные бои за выход к Черному морю, попали в окружение, отстреливались как могли, были ранен, но повезло, что рана оказалась не смертельной. Взят в плен и отправлен в концлагерь в Германии. Там он пробыл до освобождения 2,5 года. Жили в грязных, душных, холодных бараках униженные, но не сложенные духом. Они верили в победу, мечтали на парах о долгожданном дне, наконец, он пришел. Радость освобождения, скорой и долгожданной встречи с Родиной, родными переполнила сердца измученных непосильным рабским трудом, полураздетых, вечно голодных, больных узников концлагеря. Рыдали все, но не всем была суждена скорая встреча с семьей. По приказу главнокомандующего И. В. Сталина узников концлагерей отправляли этапом на Урал и в Сибирь, на рудники или строительные заводы. Отец попал в Магнитогорск на строительство комбината в цех ремонта промышленных печей каменщиком. Закончился отпуск, надо было возвращаться в Магнитогорск, и мы собирались следом. Что-то продали, что-то отдали односельчанам, что-то взяли с

собой. В Москве нас обокрали, мама ушла в кассу за билетами, а мы любовались вокзалом и метро, совсем позабыли о вещах. В городе было в первый раз, ну и думали, как в селе: никто никогда чужого не возьмет. В Магнитку приехали с пустыми руками. Погоревали, стали понемногу обживать, в бараке на Штировых нам выделили две комнаты, а через год родился брат, и нам выделили двухкомнатную квартиру на правом берегу. Переехали мы на подводе — все имущество поместилось там — по еще только строящемуся Центральному переходу. Весь правый берег рос на наших глазах: пуск первого трамвая, автобуса, кинотеатра имени Горького... Все было в радость, а далекая и теплая Кубань осталась лишь в воспоминаниях детства да в скупых письмах односельчан.

Отец проработал на комбинате еще два года. Работа была тяжелой, опасная, легкие все больше давили о себе заны. Медицинская комиссия поставила диагноз «сниженный легкости», дали переводить на инвалидность и запретили работать. Но ему уже не суждено было жить, вскоре он умер.

Вспоминаем часто рассказы отца и мамы, и жаль становится, что не по своей воле и желанию ломаются судьбы людей, меняются местожительство, и остаются лишь воспоминания о родном крае...

Воспоминания Нины Ивановны Тюриной записала